

ПРОЛОГ

Эдинбург, 1881

Струдом взбираясь по крутому склону Артурова Трона — сугрюмо нависшей над Эдинбургом огромной вулканической глыбы, — Стивен Вайчерли не мог сдержать пробиравшую все тело дрожь. То был промозглый зимний день, среда. С неба сыялся дождь, промокшее пальто не спасало от ледяных порывов ветра со стороны Ферт-оф-Форта. Но причиной дрожи, с новой силой пробежавшей по телу на вершине Трона, был не пронзительный февральский ветер, а терзавший Стивена страх. Сжав в пальцах письмо, которое и привело его в это забытое богом место, и защищая ладонью глаза от дождя, он оглянулся. По пути на вершину ему не встретилось ни одной живой души — и неудивительно: кто в здравом уме отправился бы сюда в такую погоду? Но почему же его мучитель настоял на встрече в такой день именно здесь — на макушке этого булыжника-переростка?

Стивен ощупал пачку денег в кармане. Больше у него не было, и он очень надеялся, что большего и не понадобится. Он никогда не думал, что станет жертвой шантажа, — все происходящее казалось дурным сном. Стивен глянул на часы: прошло уже десять минут с назначенного времени. Сердце замерло при мысли, что он мог опоздать. Но стоило ему бросить взгляд на раскинувшийся далеко внизу Эдинбург, риск потерять доброе имя внезапно показался Стивену сущей мелочью в сравнении со сладостной перспективой сию же секунду бежать отсюда, спасаясь от охватившего его ужаса. Он уже шагнул было обратно, но тут на крутой тропке, ведущей к вершине с востока, показалась темная фигура. Увидев Стивена, человек улыбнулся, однако в чертах этого лица

не было и тени дружелюбия, а в ледяных глазах — ни единой искорки тепла.

— Вы пришли, — сказал человек. — Не ожидал.

— Ясное дело, пришел, — ответил Стивен с уверенностью, которой отнюдь не ощущал. — Давайте не будем тянуть.

— Давайте, — кивнул его собеседник. — Пойдите-ка... а это еще что? — Его взгляд остановился на чем-то за спиной у Стивена, и тот обернулся, влекомый пересилившим инстинкт самосохранения любопытством.

Большого и не потребовалось. В следующий миг Стивен ощутил, как его горло охватила удавка, и неистово задергался, вскинув руки к горлу и тщетно пытаясь ослабить петлю. Последнее, что он услышал перед тем, как сознание покинуло его, был мягкий шепот у самого уха:

— Ну-ну-ну — скоро все кончится. Сладких снов.

В парке Холируд не было ни души, когда Кристофер Фэллон вышел на свою обычную прогулку под блеклым февральским небом. Жена не раз говорила ему, что только дурень будет бродить по такой погоде. Впрочем, дурнем жена называла его практически за все, что бы он ни делал, поэтому Кристофер не переживал. После бодрого моциона жаркое из ягненка, которое как раз взялась стряпать жена, будет только вкуснее. Будучи сапожником, Кристофер дни напролет проводил сидя, скорчившись над обувной колодкой, но сегодня, по случаю базарной среды, закончил работу раньше обычного. Он любил хорошенько размять ноги, вволю пройдясь по продуваемой всеми ветрами равнине, стиснутой Артуровым Троном с востока и великолепными Солсберийскими утесами с запада.

Не прекращавшийся на протяжении вот уже нескольких дней дождь почти стих, превратившись в туманную взвесь, из-за которой почти ничего не было видно. Но Кристофер любил такую по-

году. Вот только не стоило и пытаться объяснить всю ее прелесть Беттине — жена только закатила бы глаза и сказала, что он рехнулся. Кристофер принялся негромко напевать себе под нос песенку и тут увидел на земле справа от себя что-то темное. Подходя ближе, он напряженно вглядывался, пытаясь разобрать сквозь туман, что же это. Сперва ему показалось, что прямо на земле лежит груда одежды, и он успел удивиться тому, что кто-то вздумал вывалить все содержимое своего гардероба посреди парка. Однако в следующий миг картина открылась ему во всех подробностях. Кристофер не ошибся касательно одежды — вот только при виде того, что оказалось внутри, его руки и ноги внезапно похолодели. На каменистой земле было распростерто бездыханное тело молодого человека.

— Матерь Божья, — выдавил Кристофер, вытирая взмокший, несмотря на холод, лоб. Он присмотрелся — тело лежало прямо под вершиной нависшего над равниной Артурова Трона. Кристоферу не раз приходилось слышать о людях, что убивали себя, бросаясь с местных утесов, но он никогда не придавал особого значения этим байкам. Бедняга явно был мертв — об этом красноречиво свидетельствовал слепой взгляд широко распахнутых глаз и полная неподвижность тела. На лице виднелись синяки и царапины, а при виде неестественно изогнутых рук и ног молодого человека голова Кристофера пошла кругом. Выглядело все так, будто парень кубарем, словно тряпичная кукла, скатился с нависших утесов — полный шурум-бурум, как сказала бы Беттина. И тут ноги Кристофера пустились в бег — еще до того, как их хозяин осознал это.

Пара холодных глаз внимательно следила за происходящим сверху, а когда Кристофер со всех ног кинулся туда, откуда пришел, на лице тайного наблюдателя появилась улыбка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Молодой мужчина с буйной темной шевелюрой стоял на вершине Кэлтонского холма ранним февральским утром четверга. Он всматривался в Артуров Трон, мрачно царивший над Эдинбургом, на застывшем зимнем небе проступали первые проблески нежной зари.

Инспектор сыскной полиции Гамильтон размышлял о погибшем накануне молодом человеке и о том, сам ли он покончил с собой или кто-то столкнул его с утеса намеренно. Тело Стивена Вайчерли обнаружили меньше суток назад, и мальчишки-газетчики уже кричали об этом на каждом углу.

Иэн Кармайкл Гамильтон был человеком высоким и поджарым, крепким, как швырок — тот деревянный шест, что мясистые шотландцы мечут во время своих ежегодных Игр горцев. Эти Игры Иэн и сам часто посещал мальчишкой. Он поступил в Эдинбургскую городскую полицию, когда ему едва исполнилось двадцать, и быстро пошел вверх по служебной лестнице. Сейчас, в свои двадцать семь, он был самым молодым инспектором в Эдинбурге. Иэн никогда не планировал идти по стопам отца-полицейского: в детстве он дни напролет сочинял рассказы, твердо намереваясь стать великим писателем, новым сэром Вальтером Скоттом, как поговаривала его тетя Лиллиан (хотя ему самому больше по душе были Шекспир и По). Но мечта о литературном бессмертии погибла в том же пожаре, что унес с собой его родителей, дом и детство. Иэн переключился на изучение криминалистики (хотя и стихи кропать продолжал — но тайком, никому не показывая).

Убежденный, что причиной гибели родителей стал намеренный поджог, Иэн отдался делу погони за преступниками со всей

страстью (многим из его сослуживцев казавшейся даже чрезмерной), и теперь перед ним забрезжила возможность доказать, что он вполне достоин своей новой высокой должности. Иэн не просто подозревал, что смерть Вайчерли была насильственной, — он страстно желал этого. Как писатель он верил, что обладает острым чутьем правды и способностью насквозь прозревать маски, под которыми люди скрывают свое истинное обличье. Иэн считал, что писателей и полицейских сближает умение видеть темные стороны окружающих. Он знал, что умение это отнюдь не всегда желанный дар, но, раз обнаружив его в себе, остаться прежним уже невозможно.

Пристально вглядываясь в край утеса, он пытался представить, каким образом предполагаемый убийца мог затащить туда кого-то против воли. Это казалось попросту невозможно, особенно если жертва — крепкий молодой мужчина. Нет, подумал Иэн, скорее всего тот был знаком с убийцей. Они поднялись под каким-то предлогом вместе, а потом Вайчерли отвлекли и толкнули навстречу гибели. Иэн живо представил последние мгновения его жизни — руки судорожно хватаются за воздух, и лицо убийцы — последнее, что Вайчерли видел перед смертью.

По телу прошла дрожь, и Иэн поглубже закутался в свое пальто. Оно было сделано из отличной шотландской шерсти, состриженной некогда с боков косматых высокогорных овец и отправившейся на производство в Скоттиш-Бордерс, откуда ее уже в виде готовой ткани доставили на прилавки Хай-стрит — одной из улиц прославленной эдинбургской Королевской мили. Дар тети Лиллиан нес на себе сине-зеленый охотничий узор клана Гамильтонов, и сейчас, замерев, подобно своим предкам минувших столетий, среди древних скал, Иэн физически ощутил, как любящая забота тетушки окутывает его теплом. Другой родни у него не было — из всей семьи в этом шумном и странном городе их друг у друга осталось только двое.

Иэн повернулся и глянул вниз на расстилающуюся линию горизонта с одиноким силуэтом бесцельно мечущейся в возду-

хе вороны. Ночь неохотно уступала место блеклому серому рассвету, и рассыпанные по всему городу пятна газовых фонарей постепенно тускнели. Грузные каменные строения Эдинбурга тяжело нависли над узкими мостовыми, из-за причудливых извилов которых могло показаться, что здания одной и той же улицы тесно прижимаются друг к другу спинами. Иэн не любил город, отчаянно тоскуя по распаханному небу и головокружительному простору шотландских гор, которые изведал мальчишкой.

Он вновь покосился на призрачный силуэт громоздкой вершины, в которой многие находили сходство со спящим львом. Может статься, что преступление было и вовсе не запланированным — убийца, возможно, действовал в порыве. Но что это должен быть за человек — мужчина или женщина, — который в порыве каких бы то ни было чувств столкнет другого с огромной высоты?

Иэн зевнул и стал спускаться к спящему городу мимо похожего на перевернутую подозрную трубу и накренившегося, словно подвыпивший морячок, монумента Нельсона. Версии самоубийства противоречило несколько моментов, и среди них были взятые уже в среду вечером показания сдававшей Вайчерли квартиру хозяйки. Она утверждала, что ее жилец отнюдь не был угнетен или подавлен. Если это преступление, совершенное под видом самоубийства, то никто, решил Иэн, не сможет разобраться во всем случившемся лучше, чем сделает это он сам.